

Глава 1

Теоретические и методологические основы исследования языковой личности составителя “Повести временных лет”

1. 1. Языковая личность: основные направления и результаты исследования. К изучению исторической языковой личности

Обращение к исследованию ЯЛ в отечественной лингвистике связано с именем В.В. Виноградова, выработавшего на материале художественной литературы пути описания ЯЛ автора и персонажа. Сам термин ЯЛ был впервые употреблен в публикации В.В. Виноградова “О художественной прозе” [Иванцова 2002, с. 4].

В настоящее время понятие ЯЛ достаточно хорошо разработано в российской лингвистической науке (Ю.Д. Апресян, Г.И. Берестнев, Г.И. Богин, В.Г. Гак, Ю.Н. Караулов, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, В.И. Шаховский,) [Леонтович 2002]. В многочисленных трактовках ЯЛ, появившихся в 80-90 гг. XX в., различимы два магистральных направления: лингводидактика и лингвокультурология. Лингводидактический и лингвокультурологический подходы различаются путями описания ЯЛ. Лингводидактику отличает “крупный” масштаб при описании ЯЛ (в центре внимания находится индивид как совокупность речевых способностей). Для лингвокультурологии, напротив, характерен “мелкий” масштаб при описании ЯЛ: предметом исследования становятся “национально-культурный прототип носителя определенного языка...” [Воркачев 2001], собирательный культурно-исторический образ [Бабурина 1997] – “Языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.), в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры и т.д. Определяющая роль в культуре принадлежит ценностям нации, которые являются концептами смыслов” [Маслова 2001, с. 118 – 119]. Таким образом, если в первом случае ЯЛ представляется совокупностью ипостасей, в

которых индивид воплощается в языке, то во втором – совокупность индивидов составляет образ ЯЛ.

Лингводидактический подход к ЯЛ в трудах современных исследователей восходит к взглядам Г.И. Богина. Г.И. Богин предложил модель ЯЛ, согласно которой под ЯЛ понимается : “человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки” [Богин 1980, с. 3]. Лингводидактическое направление разрабатывается по преимуществу на современном, синхронном материале, поэтому для его сторонников характерно внимание к отношению: языковая норма – речевая реализация [Ейгер, Раппорт 1992; Еремеева 1991; Агибалов] (приложение 1.1.). В русле лингводидактического направления разработал методику реконструкции и дал определение ЯЛ Ю.Н. Караулов в монографии “Русский язык и языковая личность”: ЯЛ – “совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и воспроизведение им речевых произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью...”[Караулов 1987, с. 3].

Наиболее полно научные представления Ю.Н. Караулова нашли практическое воплощение в его труде “Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть”, где язык “как речевая способность говорящего на нем индивида” был определен в качестве одного из трех образов естественного языка наряду с языком “как совокупностью текстов” и языком “как системно-структурным образованием” [Березин 2000, с. 16].

Для лингводидактики долгое время оставалось проблемным вычленение материального носителя ядерного для данного направления понятия речевой способности, что было успешно решено Ю.Н. Карауловым, определившим материальным аналогом языковой способности ассоциативно-вербальную сеть языка, которая выражается в ассоциативном тезаурусе [Березин 2000, с. 16].

Лингвокультурология как область лингвистических исследований сложилась также в конце 70-х гг. XX вв. для решения задачи представления данных о стране и культуре изучаемого языка при помощи филологической методики преподавания. Предметом лингвокультурологии является связь “язык – культура – этнос”, которая рассматривается на материале словаря: “Лингвокультурология изучает национально-культурную семантику языковых единиц с целью понимания их во всей полноте содержания и оттенков, в степени, максимально приближенной к их восприятию носителями данного языка и данной культуры” [Воробьев 2002].

Как специальная область науки лингвокультурология возникла в 90-е годы XX в. В настоящее время лингвокультурология – это “гуманитарная дисциплина, изучающая воплощенную в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру” [Маслова 2001, с. 29]. Выделяются следующие школы лингвокультурологии:

1) школа лингвокультурологии Ю.С. Степанова, описывающая константы культуры в диахроническом аспекте; верификация их содержания проводится на материале текстов разных эпох;

2) школа Н.Д. Арутюновой, исследующая универсальные термины культуры, извлекаемые из текстов разных времен и народов;

3) школа В.Н. Телия, исследующая языковые сущности с позиции рефлексии носителя живого языка с помощью имитации речедетельностных ментальных состояний говорящего;

4) исследующая безэквивалентную лексику школа лингвокультурологии, созданная В.В. Воробьевым, В.М. Шаклеиным и др., развивающими лингвострановедческую концепцию Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова [Маслова 2001, с. 29].

Ю.Н. Караулов ввел понятие ЯЛ в широкий научный обиход и предложил уровневую модель ЯЛ. Данная модель ЯЛ оказалась востребованной и

лингводидактическим, и лингвокультурологическим¹ подходами, так как представляет собой некий обобщенный тип личности, тогда как множество конкретных личностей могут быть рассмотрены как ее вариации. Методика Ю.Н. Караулова дала возможность изучения ЯЛ с различной степенью обобщения, что предопределило развитие исследований структуры ЯЛ по пути построения аспектных моделей [Богачева 2003]. Так, на сегодняшний день существует множество аспектов изучения ЯЛ, определяющих различные статусы ее существования: “полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности (В.П. Нерознак), этносемантическая личность (С.Г. Воркачев), элитарная ЯЛ (О.Б. Сиротинина, Т.В. Кочеткова), семиологическая личность (А.Г. Баранов), русская ЯЛ (Ю.Н. Караулов), ЯЛ и речевая личность (Ю.Е. Прохоров, Л.П. Клобукова), ЯЛ западной и восточной культур (Т.Н. Снитко), словарная ЯЛ (В.И. Карасик), эмоциональная ЯЛ (В.И. Шаховский)” [Маслова 2001, с. 119], диалектная ЯЛ [Иванцова 2002], ЯЛ “средневекового человека” [Вендина 2002] и пр.

В настоящее время возрастает интерес к ЯЛ как к динамическому, развивающемуся феномену. Исследование ЯЛ в данном аспекте было предложено Ю.Н. Карауловым, разработавшим понятие общерусского языкового типа². Возможны два пути исследования ЯЛ в развитии: с помощью протяженного во времени ассоциативного эксперимента, а также с помощью исследования текстов ЯЛ разных исторических эпох. В первом случае может использоваться метод наращивания ассоциативных цепей³ или

¹ Ср.: “...языковая личность – это многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей...” [Маслова 2001, с.117]; но: “лингвокультурная личность – закрепленный в языке (преимущественно в лексике и синтаксисе) базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, составляющий вневременную и инвариантную часть структуры личности” [Маслова 2001, с.120].

² “Под общерусским языковым типом будем понимать такие системно-структурные черты языкового строя, которые, будучи пронесены через историческое время и эволюционируя в нем... некоторым инвариантным образом преломляются в сознании носителя языка и позволяют ему ... опознать “русскость” какого-то текста, той или иной фразы, конструкции или отдельного слова. ...Понятие общерусского языкового типа мертво без включения в него языковой личности, но одновременно теряет смысл также и вне системы и эволюции” [Караулов, 1987, с.138].

³ Метод наращивания ассоциативных цепей впервые был применен на материале русского языка в ходе “киевского эксперимента” при изучении структуры ассоциативных связей между словами в лексиконе человека, и на материале английского языка при создании “ассоциативного тезауруса” [Агибалов].

метод вербального ассоциативно-частотного ряда, восходящий к трудам А.Н. Леонтьева и Р.М. Фрумкиной, обнаружившей иерархическую упорядоченность слов в идеолексиконе в соответствии с частотой их встречаемости в речевом опыте человека [Агибалов]. Во втором случае изучение ЯЛ неизбежно ограничивается исследованием вербального ассоциативно-частотного ряда, зафиксированного в письменных источниках.

Несмотря на то, что исследование ЯЛ на материале письменных источников в сравнении с ассоциативным экспериментом значительно сужает объем извлекаемых в ходе анализа сведений о ЯЛ (“таким путем надежно восстанавливается только состав идиолексикона, но не его структура” [Караулов 1987, с. 103]), данный способ исследования ЯЛ представляется более чистым (так как любая анкета навязывает испытуемому модель поведения при ассоциировании, которая “искажает характер отражаемого в эксперименте фрагмента ассоциативно-семантической сети” [Караулов 1987, с. 103]), а при исследовании ЯЛ иной исторической эпохи – и единственно возможным.

ЯЛ, принадлежащую иной исторической эпохе, мы называем ИЯЛ. В рамках лингводидактического направления исследования ЯЛ существуют опыты описания конкретной ЯЛ, значительно отдаленной во времени от исследователя, на основе текстов. Так, Н.И. Гайнуллиной предпринято исследование ЯЛ Петра Великого на материале эпистолярия [Гайнуллина 2001]; О.В. Поповой осуществлена на материале деловых посланий реконструкция ЯЛ Ивана Грозного [Попова 2004]. Указанные работы отвечают установке лингводидактики на системное описание идиолектов.

Проблемным для описаний ИЯЛ в рамках лингводидактического направления остается выявление “нормативного для отдаленной исторической эпохи текста”, своеобразного инварианта, относительно которого изучаемая ЯЛ рассматривается как его реализация. Так, для решения указанной задачи О.В. Поповой при поиске индивидуальных особенностей стиля Ивана Грозного (определении особенностей

функционирования в посланиях монарха единиц различных уровней языковой системы как компонентов стиля Ивана Грозного) используются приметы эпистолярного жанра, типичные для писем XVI в. [Попова 2004, с. 4]. Н.И. Гайнуллиной в качестве инварианта, позволяющего установить “основные лингвистические формы ... индивидуальной реализации в конкретных исторических условиях” ЯЛ Петра Первого используются представления о “смене культурно-исторических парадигм конца XVII — начала XVIII в.”, а также сведения о характере литературного языка данной исторической эпохи (для интерпретации “индивидуальных пристрастий Петра Первого” в выборе языковых единиц из “базовых возможностей русского языка своего времени” [Гайнуллина 2001, с. 41]).

В русле лингвокультурологического направления изучение ИЯЛ осуществляется на материале текстов, созданных одним человеком, различными людьми и на материале словарей. Так, Н.С. Бондарчук и Р.Д. Кузнецова предприняли исследование ЯЛ купца М. Тюльпина (1762 – 1823) гг. на лексико-семантическом и синтаксическом уровнях в семасиологическом, ономасиологическом и прагматическом аспектах. Исследователи рассматривают идиолексикон составителя летописи как отражение языка эпохи, преломленное в ЯЛ М. Тюльпина [Бондарчук, Кузнецова 1997]. Исследование ИЯЛ на материале словарей с помощью моделирования лексико-семантических полей¹ было предложено А.В. Михайловым: “в качестве модели древнерусского сознания по письменным источникам превосходно может служить словарь, желательнее с указанием количества словоупотреблений и относительной частотностью” [Михайлов 1997]. Примером реконструкции ИЯЛ с помощью полевого структурирования на материале словаря служит работа Т.И. Вендиной [Вендина 2002], моделировавшей ЯЛ “средневекового человека” на материале Словаря старославянского языка под ред. Р.М. Цейтлин.

¹ “Сферические представления помогают исследователю ощутить систематическую взаимопроникновенность структур сознания, мышления, языка и текстов... Структурность отражается в привязке словесно выраженных конструктов (текстовых, сознания) к определенным сферам – границам” [Михайлов 1997].

Произведение письменности всегда ограничено жанрово, идейно-тематически, стилистически и пр. Указанные ограничения неизбежно отражаются на реконструируемом облике ИЯЛ, являющейся “результатом объективации личности в пространстве письма” [Попова 2004, с. 3], то есть неким отпечатком личности в тексте, во многом обусловленным характером привлекаемого для анализа письменного источника. Поэтому на основе письменного произведения не представляется возможным ни составить национально-культурный “фоторобот” эпохи, ни показать специфику созданного ЯЛ литературного памятника в контексте эпохи.

Специфическими ограничениями обладает и реконструкция ИЯЛ по словарям, так как словари отражают лексическое богатство древнерусского языка фрагментарно, а “в отрыве от текста... высокочастотные слова... не образуют ярко выраженных семантических объединений” [Караулов 1987, с. 123]. Собственно говоря, лексикографический способ исследования оправдывается трудоемкостью исследования ИЯЛ по текстам, которое предполагает их пословный анализ, а также отсутствием программного инструментария для лингвистической интерпретации текстов. Очевидно, что обращение к моделированию ЯЛ на базе словаря обусловлено приоритетным использованием статистических методов при моделировании естественного языка, хотя, в целом, применение статистических моделей на сегодняшний день не представляется перспективным [Невзорова 1997, с. 25].

Слабая эффективность этнолингвистического направления (разновидностью которого является лингвокультурологический подход) при исследовании ПВЛ показана В.В. Долговым [Долгов 2001] на примере статьи Н.И. Толстого “Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора “Повести временных лет” [Толстой 1993]. Лингвокультурологический анализ, оперируя совокупностью словарных единиц, нивелирует роль разночтений – следов исторического развития текста, гетерогенная по происхождению летопись рассматривается как целостное произведение.

Намного успешнее задача реконструкции ЯЛ отдаленной исторической эпохи в лингвокультурологии решается привлечением ряда произведений, примером чего служат работы Т.В. Михайловой и А.В. Михайлова [Михайлова, Михайлов 1999-а; Михайлова, Михайлов 1999-б; Михайлова, Михайлов 1999-в] в которых исследовательским материалом служит ряд произведений XV – XVII вв. Так, в работе “Использование эмоциональных смыслов для выражения оценочных значений в Повестях Смутного Времени XVII века” [Михайлова, Михайлов 1999-б] исследователями осуществлен анализ эмоциональных смыслов высказываний как компонентов тезаурусного устройства, в ходе которого авторы определили, что в текстах Смутного Времени “описание эмоций есть не столько описание психического состояния субъекта, сколько выражение оценки через описание степени его приближения к Всевышнему, крепости его веры и связи его с Богом” [Михайлова, Михайлов 1999-б]. В работе “Древнерусские текстуальные средства воздействия на общественное сознание в аспекте отношения к царской власти (XV-XVII вв.)” Т.В. Михайлова и А.В. Михайлов исследовали “стратегии символического конструирования” древнерусских текстов, что дало возможность описать прагматическое устройство произведений XV-XVII вв. и моделировать идеологию Московского государства [Михайлова, Михайлов 1999-а]. Исследователями были выявлены следующие идеологемы Московского государства: богоизбранность Русской земли, направленность на собирание Руси, богоустановленность княжеской власти, соборность; описан образ идеального князя: отсутствие отрицательных качеств (беспорочность), созидательная деятельность, устремленность к горнему, древность и непрерывность династии, смиренность (как добродетель простого мирянина) [Михайлова, Михайлов 1999-в].

Моделирование ЯЛ отдаленных исторических эпох в сравнении с исследованием ЯЛ Нового времени имеет свою специфику. Анализ неизбежно ограничен рамками письменных источников, которые

представляют литературное богатство древности фрагментарно. Поэтому для сохранения принципа целостности описания исследование ИЯЛ в рамках лингводидактического направления должно осуществляться на материале одного памятника письменности, который по объективным причинам является единственным источником её изучения [Шелепова 2001, с. 210], либо совокупности памятников, обладающих общностью жанра, регистра, школы письменности в лингвокультурологии.

Итак, лингвокультурологическое изучение ПВЛ возможно лишь при ее сопоставлении с другими летописями. Подобный анализ был предпринят Н.И. Толстым в работе “Тема библейского происхождения славян у славянских хронистов XII – XVIII вв. [Толстой 1995, с. 5 – 12], в которой исследователь на основе анализа славянских хроник пришел к выводу, что в славянских хрониках запечатлена сформировавшаяся мифологическая (библейская) картина этногенеза славян. В мифологических представлениях хронистов об этногенезе отразилось исторически укрепившееся сознание славян “об их единстве и об их приверженности и сопричастности к мировой культуре, одним из прообразов которой была библейская культура и традиция” [Толстой 1995, с. 12]. В русской анналистической традиции ПВЛ известна по многим летописным сводам, однако представлена как их идейное и повествовательное ядро, относительно стабильное во времени. Поэтому ПВЛ не может быть рассмотрена на фоне устойчивого культурного “фоторобота”, запечатленного в летописном жанре, так как сама лежит в основе отечественной летописной традиции.

Таким образом, ЯЛ составителя ПВЛ не представляется возможным рассмотреть в русле лингвокультурологического направления: ЯЛ составителя ПВЛ не сводима к совокупности идиолектов летописцев (так как положена в основу дошедших летописных сводов), фрагментарность дошедшего до нас письменного наследия, синхронного ПВЛ, не позволяет исследовать ПВЛ как летописную вариацию культурного “фоторобота”

домонгольского периода развития древнерусского государства (приложение 1.1.).

При изучении ЯЛ составителя ПВЛ с позиций лингводидактического направления не требуется обращения к литературному окружению ПВЛ, так как выполняющий функцию инварианта “нормативный текст” является составляющей ЯЛ составителя ПВЛ – книжно-письменной традицией анналистического направления средневековой историографии¹(приложение 1.1.). С другой стороны, остается проблематичным вычленение книжно-письменной традиции, относительно которой ЯЛ составителя ПВЛ может быть рассмотрена как ее реализация. Основной преградой на пути подобной реконструкции является традиционность искусства средневековья: искусство Средних веков “...стремится выразить коллективные чувства, коллективное отношение к изображаемому. Отсюда многое в нем зависит не от творца произведения, а от жанра, к которому это произведение принадлежит. Автор в гораздо меньшей степени, чем в новое время, озабочен внесением своей индивидуальности в произведение. Каждый жанр имеет свой строго выработанный образ автора, писателя, “исполнителя”. ...Традиционность художественного выражения настраивала читателя или слушателя на нужный лад. Те или иные традиционные формулы, жанры, темы, мотивы, сюжеты служили сигналами для создания у читателя определенного настроения. Стереотип ... входил в самую суть художественной системы средневековой литературы. ...” [Лихачев 1979].

В настоящее время продолжается поиск способов вычленения из книжно-письменной традиции источника ЯЛ его создателей. Так, В.А. Рогожиной для выявления образа автора ПВЛ было предложено исследование языковых средств реализации интенций летописца: “Не имея возможности высказать свое истинное отношение к происходящему, летописец должен был передать свое мнение через субъект речи, присутствие которого в тексте и целевую

¹ Для церковнославянского языка в качестве организующего (стабилизирующего) начала признается не норма (в современном понимании этого термина), а традиция [Панин 1995, с. 185]. Вслед за Л.Г. Паниным под традицией понимаем “...совокупность стратиграфических ...и жанровых “отсылок” языка. Традиция была предопределена ориентацией книжности на образцовые тексты ...” [Панин 1995, с. 185].

установку эксплицирует интенциональность – содержательная категория, отражающая коммуникативное намерение субъекта речи. ...Базовыми языковыми средствами реализации намерений летописца являются те, при помощи которых в высказывании отражается “присутствие” субъекта текста. Интенциональность тесно связана с такими семантическими категориями языка, как оценка, эмотивность и субъективность [Рогожина 2003, с. 170 – 171].

Иной путь изучения ИЯЛ был предложен Л.И. Шелеповой. При пословном исследовании списков Есиповской летописи автор сосредоточил внимание на характеристике групповой ЯЛ книжников, переписывавших и изменявших летопись на протяжении XVII в., с помощью ЛЗ: “Решение вопроса об организации (модели) языковой личности в древние периоды возможно путем анализа текстов, сохранившихся в нескольких списках, ибо та или иная лексическая замена, допущенная книжником (писцом, автором, редактором) при переписывании текста есть индивидуальная реакция его (книжника) на стимул – образец протографа” [Шелепова 2001, с. 211]. Таким образом, при моделировании ИЯЛ снимается необходимость в реконструкции “нормативного для книжно-письменной традиции исследуемого произведения текста”. В качестве инварианта предстает текст протографа, а выявленные ЛЗ позволяют судить о принадлежности книжника к той или иной школе письменности, диалектной группе, охарактеризовать индивидуальные особенности словоупотребления летописца. Подобный анализ возможен вследствие жесткой традиционности “письменного языка старшей поры”, для которого была характерна каноничность, ритуальность текстов и подражательность, “возведенная в идеал” [Михайловская 1980, с.124].

При всех преимуществах данный метод малоприменим к ПВЛ, так как уже на этапе становления ПВЛ не обладала однородностью, но представляла собой, как это было доказано А.А. Шахматовым, летописный свод [Шахматов 2001-б, с. 860]. Так как в ПВЛ обнаруживается “наличие четырех

слоев, а значит и четырех летописцев (Никона, Ивана, Нестора и Сильвестра), то говорить о языковой личности на основе всего летописного текста будет некорректно. В этом случае мотивационный уровень может быть представлен неоднородными, иногда даже взаимоисключающими целеустановками...” [Рогожина 2003, с.170].

Таким образом, реконструкция книжно-письменной традиции ПВЛ представляется самостоятельной задачей, которая может быть решена при помощи текстологической стратификации летописи, произведенной А.А. Шахматовым, выявившим в составе ПВЛ предшествующие ей летописные своды, определившим их характер и состав [Шахматов 2001-а].

Поэтому в ЯЛ составителя ПВЛ выделяем два компонента: 1) групповой, представленный книжно-письменной традицией русского летописания и 2) личностный, который реализуется в многочисленных разночтениях и представляет собой вклад летописца – создателя ПВЛ в развитие книжно-письменной традиции летописания (вариант инварианта книжно-письменной традиции).

Итак, для описания ЯЛ составителя ПВЛ нами осуществляется реконструкция книжно-письменной традиции летописания (групповой ЯЛ летописцев). На основе текстологической реконструкции ПВЛ, предложенной А.А. Шахматовым, производится моделирование книжно-письменной традиции (групповой ЯЛ) собственно ПВЛ и ее источников. При сопоставлении групповой ЯЛ источников и групповой ЯЛ ПВЛ нами выявляются индивидуальные особенности, привнесенные в летописную книжно-письменную традицию на этапе составления ПВЛ. При сопоставлении летописных сводов XIV – XV вв. (на материале ЛЗ) мы определяем преемственность инноваций, привнесенных составителем ПВЛ, в летописных сводах последующих веков, а также определяем характер развития книжно-письменной традиции.

Наше исследование находится в русле лингводидактического направления изучения ЯЛ. В лингводидактике путь исследования ЯЛ на материале одного

произведения намечен Ю.Н. Карауловым в монографии “Русский язык и языковая личность” [Караулов 1987]. Методика Ю.Н. Караулова предполагает апелляцию к “нормативному тексту”, относительно которого интерпретируемый текст рассматривается как его “реализация”, отражающая специфику ЯЛ. Отделенные веками от создателей “Повести временных лет”, мы не владеем “нормой” минувших времен. Однако, невозможная на пословном уровне реконструкция ИЯЛ вполне осуществима при обращении к текстологической атрибуции на уровне погодных сообщений, относительно которых и интерпретируются уже реально дошедшие чтения того или иного списка. Такой анализ возможен благодаря иерархическому устройству выделяемых Ю.Н. Карауловым уровней ЯЛ. Вот почему при исследовании “Повести временных лет” мы избрали именно эту методику. Итак, вслед за Ю.Н. Карауловым под ЯЛ (с учетом особенностей, характеризующих ИЯЛ) понимаем “совокупность способностей и характеристик человека [*группы писцов – Д. А.*], обуславливающих создание и воспроизведение им [*ими*] речевых произведений [*текстов*], которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью...”[Караулов 1987, с. 3]. В качестве исторического аналога речевой способности нами используется понятие языковой компетенции книжника, которая проявлялась при создании (редакторской правке, переписывании) письменного произведения в обращении книжника к образцовым текстам того же (или иного [Живов 1996, с. 31]) жанра, если срабатывал “механизм ориентации на образцы”, или в переработке сложившейся традиции в силу нестандартности содержания создаваемого текста относительно имеющихся образцов, когда доминировал механизм пересчета [Живов 1996, с. 25 – 26].

Предлагаемый нами путь исследования невозможен без текстологической атрибуции летописных сводов, содержащих ПВЛ, текстологической реконструкции предыстории ПВЛ и учета особенностей ПВЛ как

произведения литературы Древней Руси, чему посвящаем последующие параграфы данной главы диссертационного исследования.